

ДВЕ ДУШИ, ДВА ЯЗЫКА, ДВЕ РОДИНЫ о поэзии Андрея Грицмана

Лирика Андрея Грицмана исповедальна. У Андрея есть, по его собственному выражению, «право говорить». Поэту удалось объять почти необъятное: он реализовался и как верлибрист, и как силлаботоник, и в русской, и в американской лирике. Более того, ему удалось создать стиль-трансформер, хорошо подходящий для обоих языков. Казалось бы, Грицман разбрасывается, добавив ещё один язык. Но нет, стремление писать и по-английски вывело его, на мой взгляд, на новый уровень, новую орбиту. Brilliant ability! Стремление развиваться, идти «за флажки», за пределы самого себя, «за терпенье своё» достойно самого глубокого уважения. «Ничего не понять, не ведая, / где те струны, что за пределом / цвета, звука.

Но, с тьмой беседуя, / вдруг поймает звук между делом». Мы видим, что поэт не отказывается окончательно от звука в пользу ритмики. В этом же стихотворении есть такая фраза: «две души за пределом истины». Разнородные составляющие обогащают поэта. Но важно правильно выстроить между ними баланс, чтобы сотворчество двух начал не превращалось в полемику. Двухязычие Грицмана идёт ему в плюс. Это не хобби, не развлечение – поэт учился на литературном факультете университета Вермонта, получил степень магистра по американской поэзии. Работа над английской поэзией помогла ему сделать шаг вперёд и в русскоязычной лирике, сформировать уникальный голос. Многомерность творческих исканий делает Андрея Грицмана по-настоящему интересным автором. Особая стилистика стихов Андрея, нестандартность его лирического мышления напрямую связаны с двухязычностью. У меня в девяностые годы тоже была возможность писать одновременно по-русски и по-английски. Но я посчитал, что погружение в один язык приведёт к постепенному отмиранию другого языка и побоялся идти по этому пути. Вот почему мне интересен положительный опыт Андрея Грицмана.

Знакомство с творчеством Грицмана началось для меня с его прозы. Я читал книгу «Поэт и город». Меня поразили культурологические статьи Андрея, ошеломил очерк о трагическом наводнении в Нью-Орлеане. А творчество Пауля Целана я стал рассматривать с тех пор именно сквозь призму взгляда Грицмана. Стихи Андрея Грицмана более камерны, чем его проза. В прозе и в эссеистике он – общественный деятель и философ, который ставит перед собой культурологические задачи обобщения творческого опыта других писателей. А стихи у Андрея – тихая, тонкая, подспудная лирика, где он всматривается во внутренний мир. Русскоязычной поэзии Грицмана вторит его англоязычная поэзия – столь же камерная, тонкая и деликатная. Можете заглянуть в его английские стихи и убедиться в этом сами. Они такие же по стилю и духу, как и его русские стихи. Постмодернизм Грицмана не атакует читателя аллюзией в лоб. Аллюзии из прочитанного и давно усвоенного проговариваются у поэта вскользь. Например, вот у него Пушкин: «Когда-то я здесь пиво пил и в ближний парк гулять ходил». А вот – Есенин: «Не жалею, не зову, а лучше / ты включи компьютер, посмотри». Есть и Набоков. Но это – естественная вещь для лирического постмодерниста. У Грицмана чужая строчка – только зачин, только искорка для разговора – нередко совсем о другом, чем у классиков, чьи крылатые строки помогают разгореться поэтическому костру.

*Облако, озеро, только нету башни.
Дышу в пронизанном солнечном срубе.
Сосед Тургенев пройдёт на охоту с ягдташем.
Зайдёт, присядет за стол, Earl Gray пригубит.*

*Головой покачает: постмодернисты!
А потом вздохнёт: Бедная Лиза.
Перед нами обоими лист стелется чистый,
Посидит, уйдёт, вспомнив свою Полину.*

*Он уйдёт, и стих его тает белый,
Как следы января в холодающей чаще.
Незримый джип затихает слева.
Слава Богу, Сергееч заходит всё чаще.*

*Слава Богу, вокруг гудит заповедник,
И здесь, в глубине, нету отстрела.
Пусть это будет полустанок последний,
Где душу ждёт небесное тело.*

*Летит оно, скорей всего, мимо.
Висит среди крон в деревянном кресле.
Вокруг леса шелестят верлибром,
Да ветер гудит индейскую песню.*

В лирике Андрея Грицмана присутствует нечто неуловимое, что связывает между собой Россию и Америку. Две родины соединились в сердце поэта. Многие рецензенты отмечают необычность творческого почерка Грицмана. Друг Бродского Евгений Рейн отметил, что стихам Андрея присущи «напряжённый лиризм и изысканная наблюдательность». «В стихах Грицмана не видно никакой очевидной зависимости. Поэт сам изобрёл свой самолёт и прилетел на нём в Россию», – остроумно заметил Рейн.

Вадим Месяц пишет, что Грицман – «поэт ветра». Ветер – сквозная тема его творчества. И «хамсин», и много-много других разновидностей ветра. Что ещё важно знать об Андрее Грицмане? Он – потомственный врач. «Здоровые люди стихов не пишут», – говорит Андрей. Поэт много времени проводит за рулём автомобиля, и это также отражается в стихах. По собственному признанию Андрея, стихи он пишет «с голоса», по-мандельштамовски. «Это – азбука Морзе, / разбросанная бисером / по страницам. / Каждая единица / обозначает молекулу дыхания, / а обозначив, исчезает, / тает на языке, как мята, / оставляя меты тут и там, / не заметные никому, кроме / членов тайного общества, / никогда не вышедшего на площадь».

Безусловно, жизнь, особенно в непривычных условиях эмиграции, не всегда улыбается человеку солнечной стороной. Но у Андрея Грицмана есть внутренний стержень. «И тогда пошёл не в разнос, в себя», – вспоминает поэт. Рильке говорил, что стихи – это опыт. Поэзия Андрея Грицмана подтверждает сказанное Райнером. Ей свойственна эстетическая бескомпромиссность: «Горечь, переплавленную в слова, – / плеснуть в лицо – умникам, умозрителям», – с болью в душе говорит поэт. Андрей Грицман выступает против войны: «Вот и хватило на век наш / Беспамятный / Крови текучей / Горючего чёрного / Жовто-блакитного от возгорания / Рваное жовто-блакитное знамя / Реет над нашим обугленным зданием».

Пожалуй, главное сокровище поэта – это его душа. Он умеет убежать из одной полноты бытия в другую – на поиски неизведанного: «Ощутить счастье обитаемого / острова в океане. / Дождаться момента наступления / твоего лёгкого женского сна, / плывущего всё дальше от меня / к берегам девичьего детства. / Улучив момент, выскользнуть из постели, бесшумно выломать дверь счастья, / выскочить наружу, / бежать куда глаза глядят / мимо чужих фосфоресцирующих окон, / оставляя ключья шкуры / на ветвях деревьев» («Господи, как я хочу начать сначала...»). На мой взгляд, это очень важное для поэта качество. Многие наши классики не умели ладить со счастьем и норовили его разрушить. Чем хуже, тем лучше, тем больше «звонящих» стихов. Андрей Грицман умеет творчески преобразовывать состояние счастья. Оно не разрушает его изнутри, не заставляет самоуспокоиться и топтаться на месте.

Судьба Андрея Грицмана необычна. Поэт рассказал о своём творческом пути в авторском предисловии к книге «Вариации на тему» («Время», 2009), в интервью Владимиру Коркунову для «Литературной газеты». Андрей обладает аналитическими способностями, которые позволяют ему взглянуть на своё творчество одновременно «со стороны» и изнутри. Многие истины открылись ему благодаря эмиграции. Так, в Нью-Йорке похоронена его мама, тоже москвичка по месту рождения. «Право на землю, – говорит Грицман, – человек получает, когда в неё ложатся его близкие». По сути это очень правильные мысли. И ностальгия у этого поколения эмигрантов – принципиально другая – они в любой момент могут вернуться на историческую родину. Вот что об этом сказал Андрей Грицман: «Лирическая поэзия – ностальгия по времени, сжатому в кристалле стиха. У нашего поколения переселенцев ностальгическая нота не обязательно имеет отношение к стране, к земле и т.п., а скорее к прустовскому „утраченному времени“, ощущаемому «перемещённой душой».